

Наталья ДАНИЛОВА

г. Бийск Алтайского края

Бабушкины пирог

Бабушка, сидя за старенькой, купленной у кого-то с рук зингеровской швейной машинкой, шила и пела. Пела только для нас двоих, для себя и для меня.

*Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет...*

Бабушка прервала песню, перекусила нитку и отошла к окну посмотреть, ровно ли прошит шов. Темная недлинная коса уложена кольцом на затылке, чуть улыбаются строгие серые глаза. Такой она до сих пор улыбается мне с портрета, который много лет висел в их новом доме, построенном уже после моего рождения.

С годами молодость утрачивалась, время немолимо накладывало отпечаток. Лицо бабушки покрыли мелкие морщинки забот, густые, когда-то темные волосы побелели, косы уже не было. А поседевшие волосы она прихватывала простой круглой гребенкой. И песен уже не пела.

Помню бабушку строгой, но неизменно доброй ко мне. «Как же я расстанусь с тобой?» – спросила она однажды в недоумении не то меня, не то саму себя, когда мне было лет восемнадцать.

Откуда она? Этого бабушка не могла рассказать. «Из Расеи», – говорила она. В голодном тридцать втором году привез их в Сибирь старший брат Борис. Брат погиб на фронте, и никто никогда не сможет сказать, где родина.

Бабушка была большая мастерица печь пироги. Таких пирогов, какие стряпала баба, я никогда боль-

ше не ела. Пироги пеклись по большим праздникам. Бабушка ставила квашню. «Квашонку поставила», – говорила она. Эту «квашонку» бабушка вставляла подбить раза три за ночь. Теста заводила много – большую кастрюлю. Для меня, пятилетней девчонки, стряпанье пирогов было вроде какого-то особого ритуала, священнодействия, которое рождало внутри ожидание настоящего праздника. Еще за несколько дней до этого священного дня бабушка начинала помаленьку думать о том, какими будут ее пироги. Для меня это тоже всегда было таинством: а с чем же бабулины пирожки будут на этот раз? Иногда я упрашивала ее сделать именно такие пироги, каких мне хотелось. Но бабушку и не нужно было долго уговаривать: она пекла свои пирожки с тем, что было под рукой. Командовала деду, чтобы тот слазил на вышку за мороженой клюквой. А если дед был на дежурстве, то и сама лезла. Клюква появлялась в сите – твердые рубиновые ягоды, покрытые сизой изморозью. Она постепенно оттаивала в тепле, покрываясь мизерными влажными каплями. Тогда бабушка перебирала ягоды от мусора – сухой болотной травы, насыпав клюквины на ладонь. Затем начинала толочь клюкву в кастрюле скалкой, отчего раздавался хлюпающий звук давящейся под напором деревянной толкушки ягоды. Потом перемешивала давленную ягоду с сахаром, пока не получалась густая ярко-алая масса.

А то еще бабушка попросит деда слазить в подпол за вареньем из крученой черемухи или за моченой брусникой. А то просто сварит моркови, порубит ее мелко-мелко. Пироги получаются – за

уши не оттащишь. Муку бабушка заносила из холодной кладовки на ночь в кухню, давала согреться. Мука, полежав в тепле, оживала, начинала дышать. «Ну, Наталка, – говорила мне бабушка, – завтра стряпней займемся!»

Пирогоми бабушка начинала заниматься с раннего утра. Вставала еще затемно (зимой светает поздно); повязав шаль, надев фуфайку, катанки, шла за дровами и углем в ограду. Мне не спалось в такие дни. Я соскакивала с постели и даже в ограде гулять, как обычно, не просилась. Бабушка приносила охапку дров, хлопнув тяжелой дверью и запустив клуб морозного воздуха из сеней, сваливала дрова на подтопок. Набивала печь дровами, с треском щепала лучину, потом принималась за растопку. Остывшая за ночь печка начинала нагреваться, сквозь печную дверцу и щели раскаленной плиты вырывались желто-красные языки бушующего пламени. Звонко щелкали дрова в печи. Бабушка время от времени шевелила кочергой прогоревшие головешки, подкладывала поленья. Вставало морозное, дымное солнце, лучи его пробивались сквозь занавески, сквозь разукрашенные искрящимся инеем окна комнат. На крашеном полу лежали солнечные квадраты. Невысокое зимнее солнце золотило елочный дождь, нестерпимо сверкали в его сиянии игрушки новогодней елки. Я возилась в своем углу с куклой и ждала с нетерпением начала бабушкиного священнодействия.

Накормив в стайке кур, управившись с печкой, бабушка тем временем начинала колдовать над будущими пирогами. Повязав чистый хлопчатый платок, снимала клеенку с кухонного стола, сделанного дедом, насыпала немного муки, выкладывала из кастрюли пузырчатую квашню, добавляла еще «мучки», как она говорила, чтобы получилось тесто, и начинала его месить, мять, выхлопывать, отчего раздавался полный, какой-то утробный звук. Тесто месила всегда долго, с воодушевлением. Оно выходило мягкое, белое, сдобное. Пирожков бабушка делала листа четыре, а то и пять. Мне нравилось смотреть, как она колдует над пирогами, нравилось смотреть на ее неутомимые руки, на то, как эти руки снуют без конца: вынимают тесто из кастрюли, разрезают его, расхлопывают на столе, сворачивают причудливо, катают, продевают, прорезывают в тесте, где нужно, дырочки или зубчики. И вот уже кусок бесформенного теста превращается в какой-то невиданный кулинарный шедевр. Мне казалось, что бабушка – волшебница. Я пыталась проделать нечто подобное с тем кусочком теста, которое давала мне бабушка, но куда мне до нее!.. Возле кухонного стола я могла стоять часами, наблюдая за бабушкиными руками.

На каждом противне были разные пироги. На од-

ном – замысловатые сдобные пироги с клюквой, на другом – не менее замысловатые с сушеной клубникой, на третьем – с крученой черемухой или с брусникой – «постряпушки», таким снисходительно-ласковым словом называла бабушка свою стряпню. И обязательно сажала на один противень пироги, особенно мной любимые. Незатейливые: кружочек теста пополам сложен. Края бабушка ловко ножом зубчиками нарежет. А внутрь – просто сахару насыплет чайную ложечку. «Пирожки с молитвой», – говорила она.

Посадив пироги на противень, бабушка давала им расстояться, а сама тем временем колдовала над следующей партией пирогов. Расстоявшиеся пироги сажала в духовку. И, конечно, последний важный момент для меня, маленькой, – это вынимание готовых пирогов из печи. Раскрасневшись, бабушка сновала по просторной кухне, обжигаясь, несла горячий противень, ставила его на табуретку, смазывала пироги сверху маслом и закрывала чистым полотенцем. Давала стряпне остынуть, отойти от жара печи, отдышаться. В доме пахло предстоящим праздником.

Хороши были и большие закрытые пироги – курники, так называла бабушка пирог с резаной картошкой и мясом, и круглый пирог с клюквой, по верху которого бабушка выкладывала перекладки из теста. Особо нужно сказать о том, как готовилась всегда бабушка к празднованию Пасхи и как отменны и вкусны были ее куличи. До сих пор эти куличи, похожие на жаркие румяные солнышки, с аппетитной коричневатой корочкой, блестящие, потому что бабушка смазывала их яйцом, стоят у меня перед глазами.

Шли годы. По мере того как старела бабушка, иссякали ее силы. И пироги она пекла уже вместе с дедом – обыкновенные, без выдумки и фантазии, просто сверху на плите, на сковородке. Но все равно превосходные. Я до сих пор помню их вкус.

Летнее происшествие

— Ну вот, я и готов, – сказал дедушка, защелкивая свой чемоданчик, с которым всегда ходил в баню. – Пойду утят закрою в стайке.

И позвал бабушку:

– Груня, ты скоро?

Маринка отправилась вслед за дедом.

– За утятами присмотри, – строго-настрого наказала ей бабушка, повязывая голову платком.

Утят держали в летней стайке, построенной дедом прямо на погребке. Днем их выпускали в небольшую загородку, где они резвились, пощипывая траву, за-

бавно раскрывая свои широкие клювики и попискивая. Очаровательные малыши, покрытые первым желтовато-велюровым пухом. Здесь же, в загончике, стояло жестяное корыто с водой, где утята могли плавать, растопырив крохотные, едва успевшие отрасти крылышки и перебирая маленькими перепончатыми лапками в воде. Маринка с бабой Груней кормили утят рублеными яйцами, которые те жадно расхватывали из корытца.

Перед уходом в баню дед всех утят перенес в стайку. Дверь в нее днем не закрывали, а загоразживали деревянной решеткой, чтобы утятам дышалось вольнее.

Маринка хищно дожидалась, когда взрослые уйдут. Ей непременно хотелось зачем-то подержать хоть одного утенка, потискать, ощутить в своих руках тепло его трепетного живого тельца. Дед не разрешал «мять» утят.

Закрыв калитку на щеколду после ухода взрослых и выслушав еще раз строгий наказ бабушки присматривать за утятами и никому не открывать, Маринка осталась полной хозяйкой. Баня далеко, до нее шагать да шагать через все железнодорожное полотно. И, кроме того, там всегда толпа народу. Значит, взрослые вернутся не скоро.

День начал клониться к вечеру, но зной еще стоял нестерпимый. Выждав какое-то время, поскольку с дороги огород хорошо просматривался, и убедившись, что дед с бабушкой ушли уже довольно далеко, Маринка коршуном кинулась к стайке. Утята толпились у решетки, вытягивая шею и проталкивая клювики сквозь прутья. Присев на корточки, девочка пыталась дотянуться до утят через решетку, но они не давались ей. Тогда Маринка сняла решетку с двери и ступила в сарайчик. Утята, испуганно запищав, отпрянули назад, но один бедолага проскользнул-таки мимо ее ног и, неловко сорвавшись на пороге, пронзительно крича, улепетывал теперь прочь со всех своих маленьких ножек. Все произошло мгновенно. Испугавшись, что утята сейчас разбегутся кто куда, Маринка мигом оставила свою затею и проворно водворила решетку на место. Нужно было поймать этого незадачливого утенка во что бы то ни стало, иначе ей попадет. Ой, как попадет!

Маринка думала, что она быстро поймает утенка. Но тот с писком в испуге метнулся за стаяшку. На беду, задняя стена стайки почти упиралась в деревянный заборчик, который в одном месте прерывался: здесь была сложена поленница дров соседей Антаковых. Девочка присела на корточки, пытаясь поймать утенка, но тот, отчаянно открывая широкий клюв и пронзительно пища, с ужасом смотрел на ее протянутую руку своими

глазками-бусинками, полуприкрытыми от страха пленкой. Он забивался все дальше и дальше за стайку. Еще немного, и Маринка не сможет дотянуться до утенка. Чуть не плача, она опять и опять пыталась протиснуться между стайкой и нагретым от солнца, пахнущим пылью забором, но те стояли непоколебимо и не желали сдвинуться с места хоть чуточку. Как на грех, кругом не было ни души, не открылась дверь ни одного соседнего дома, и Маринка оставалась один на один со своей бедой.

– Иди ко мне! Ну, иди же, маленький, не бойся, – уговаривала она утенка.

Сердце у девочки колотилось где-то в горле, на последнем дыхании, руки бессильно дрожали. Вся потная, красная, вывозившаяся в пыли, Маринка пыталась успокоиться, со страхом представляя, какое наказание ее ждет за упущенного утенка. «Вот я сейчас сделаю вид, что вовсе не собираюсь его ловить, и он не будет меня бояться и повернет назад, и тут-то я его наконец схвачу», – наивно думала девочка, но утенок, беспрерывно отчаянно пища, все метался в узком проходе между стайкой и дровами. Еще чуть-чуть, и он погибнет, глупый, забившись в поленницу.

Вдруг двери дома соседей Антаковых распахнулись и в ограду вышел дядя Саша. Это был уже шанс! Дядя Саша не обратил, конечно, на соседскую девчонку никакого внимания. Играет, наверно. Тогда Маринка заревела так громко, что небритый дядя Саша, шедший куда-то по своим делам по ограде, вскинул на нее глаза.

– Ты чего кричишь? Маринка! Что случилось?

Давясь от всхлипываний и размазывая по лицу грязь и слезы, Маринка попыталась объяснить, что произошло. Дядя Саша понял все и сразу.

– Эт мы сейчас! Мигом! – сказал он и поскреб небритую щетину на щеке. Подойдя к сарайчику, сосед стал отбрасывать на землю дрова из поленницы со стороны своей ограды, пытаясь втиснуться в образовавшийся проход. Но не тут-то было! Утенок от страха заметался еще сильнее, а Маринка заревела еще громче, потому что испугалась, что тот все-таки погибнет.

– погоди, Маринка, хватит реветь! Сейчас мы его! Не уйдет! – бормотал дядя Саша, сбрасывая поленья. Утенок оказался в ловушке. С одной стороны поджидал его дядя Саша, а с другой – замирающая от ожидания Маринка.

Наконец дяде Саше удалось схватить еще громче запищавшего от страха утенка.

– Держи! – сосед протянул вырывающегося изо всех сил птенца девочке, все еще размазывающей по разгоряченному лицу слезы. Но как

только Маринка выпустила утенка, рвущегося из ее рук, в сарайчик, он тотчас смешался со стайкой своих маленьких собратьев. А Маринка все стояла у решетки, слушала негромкое попискивание и думала: «Наверно, обсуждают похождение моего утенка».

В чешском Крумлове

Чешский Крумлов – это небольшой городок на Чуге Чехии. Мы добирались до Крумлова от Праги часа два. Из окна автобуса я рассматривала густую стену лесов. Чистенькие, какие-то причесанные многочисленные леса, которых можно увидеть много, если ехать в сторону австрийской границы. Все леса в Чехии частные, и любой желающий может ходить туда за грибами и ягодами. В лесах водятся в большом количестве косули, зайцы, лисы. Но горе тому, кто попробует посягнуть на жизнь кого-либо из зверушек.

Неожиданно взгляду открывались сверкающие зеркала озер, тоже чистеньких, как стеклышко, ухоженных, с устроенными фонтанами и беседками.

Но вот и Чески Крумлов. На первый взгляд, ничего особенного. Обычная конечная остановка, где парковались автобусы. Но, пройдя по дороге, мы неожиданно оказались в парке. Оказалось, это замковый парк. А сам Верхний замок, построенный в тринадцатом веке на высоком скалистом мысу, белел среди зелени деревьев и лужаек. Пройдя внутренним двором, напоминающим каменный колодец, стены которого украшены фресками, изображающими мифологических героев, а сводчатые потолки – росписями с цветами, мы оказались в залах замка. В средине века хозяева этих хором разводили очаг прямо в этих мрачноватых высоких комнатах, скупо освещенных факелами.

Неторопливо переходим из зала в зал, прохладных даже в жаркий июльский день. Когда-то в покоях замка жарко пылали огромные каминные, шуршали шелк и бархат красавицы с замысловатыми прическами то в виде кораблей с раздутыми ветром парусами, то в виде птичьих гнезд, украшенных живыми птицами и цветами; знатные вельможи в коротких камзолах и взбитых париках, чьи охотничьи трофеи в виде рогов убитых оленей или шкур красуются до сих пор в мрачноватых залах замка, произносили вычурные слова. Их удивительные, почти неземные лица взирают на посетителей с портретов в золоченых рамах.

А это уже мне – какая-то экскурсантка из нашей группы усмотрела во мне сходство с золотоволосой дамой, изображенной на портрете:

– Посмотрите, как эта женщина на вас похожа!

Спустившись по великолепной лестнице из резного дуба и пройдя под сводами коридора Верхнего замка, сложенного из каменных глыб, неприспугнутой серой громадой возвышающегося над неподвижным парком, мы оказались на смотровой площадке, и у меня от неожиданности захватило дух. Со смотровой площадки, вниз и дальше, к горизонту, открывался вид... то, что я люблю больше всего на свете... Перед нами как на ладони лежал сказочно-красивый городок. Многочисленные кирпичные дома и домики с треугольными и четырехугольными черепичными крышами громоздились друг на друга, докуда хватало взору. Отсюда, сверху, они казались игрушечными. Никаких улиц не было видно, лишь сплошная чешуя черепицы, россыпь карминных крыш, тесно прижатых друг к другу домиков, над которыми виднелись очертания башен городской ратуши, замка и костела. Как будто кто-то случайно открыл крышку волшебной шкатулки и высыпал в беспорядке домики, не заботясь о красоте. Но именно в этом и заключалось очарование Крумлова. Доходя почти до горизонта, домики, словно играя в чехарду, взбирались на холм, становясь еще более игрушечными. Внизу бурлила Влтава – она в Крумлове не такая, как в Праге, широкая, ленивая и вальяжная, в которую, как в зеркало, глядят прибрежные ивы, а узенькая порожистая речонка, берущая начало в горах и опоясывающая лентой городок. Река, петляя, протекала по бывшему рву, окружавшему Крумлов со всех сторон, и было похоже, что городок расположен на острове, на самом деле – на холме, на излучине Влтавы. Кровли домиков нависли над самой водой. Местами река превращалась почти в каменистый ручей. По бурной воде, преодолевая пороги, неумоимо скользили байдарки. Низко над городом висела рваная вата облаков, так часто собирающихся именно в этом месте, и ветер, играя, превращал их то в причудливого слона, поливающего себя душем из собственного хобота, то в белого медведя, закрывшегося мягкой лапой, то в выгнувшую спину кошку. Солнце выпускало свои лучи стрелами на дальние заливные луга, оставляя в тени город. Луга переходили в пологие холмы и дальше – в невысокие горы, Шумава. За горами – Австрия. Хотелось смотреть и смотреть на этот чудесный вид без конца, глядеть – не наглядеться, фотографировать и то, и это. Я не успевала щелкать фотоаппаратом.

Пройдя по мосту, ведущему из замка через ров, любуясь солнечными пятнами, играющими в воде, мелькающими легкими фигурками байдарочников, мы очутились в городке, и для меня

время как будто остановилось или, наоборот, перенесло на пятьсот-шестьсот лет назад. В душе пели скрипки Вивальди. Прошел битый час, пока я не осознала наконец, что улочки, площади, дома с мансардами, глядящиеся в зеркало реки, увитые геранью окна – это как раз и есть Чески Крумлов, только уже не сверху, не со смотровой площадки, а это мы в нем самом находимся.

Город вполне можно обойти за тот час свободного времени, который отпущен экскурсоводом. Очаровательный, словно игрушечный городок. Внешний вид его не изменился с восемнадцатого столетия, и каждый камень овеян историей. На улочках – толпы глазающих туристов. Мы прошли и самой длинной улицей Чески Крумлова, и самой короткой, спустились по ступеням на самую широкую и неожиданно оказались на самой узкой, где кровли домов почти соприкасаются. Кстати, в Праге тоже есть самая узкая улица – специально для туристов. Но там она скорее напоминает щель, куда едва ли можно втиснуться, хотя в доказательство, что это действительно улица, в узком пространстве мигает красно-зеленый глаз светофора.

Самый старый дом в Крумлове, являющий собой четырнадцатый век, даже специально не отреставрирован, чтобы казался еще более старым. Нам показали дом, где бывший хозяин, наверно человек с чувством юмора или просто весельчак, нарисовал на стене ложные окна, из которых по сей день глядят несуществующие жильцы. На улицах множество раритетных сувенирных лавок и магазинов, возникших на месте бывших ремесленных поселений, в которых представлены разнообразные ремесла.

Город был похож на декорацию к какому-то фильму или спектаклю. Казалось, сейчас из-за поворота узкой улицы покажется кавалькада всадников верхом на конях, веселой гурьбой возвращающихся с удачной охоты. Копыта нетерпеливых лошадей звонко цокают по деревянному мосту, позвякивают удила, развеваются флаги с гербами, и седой привратник уже отворяет тяжелые ворота...

Но пора возвращаться. С Плащевого моста – замечательный вид на замок, расположенный на неприступной скале и являющийся как бы ее продолжением. В пустых глазницах арок и каменных столбов на головокружительной высоте плыла синевя неба.

В этот день мы побывали еще в одном замке – Глубока над Влтавой, расположенном в городке неподалеку от Чешского Крумлова. У дороги на своем колесе нас поджидал аист. По поверью, если аист в гнезде и никуда не улетел, это сулит счастье.

А когда под вечер мы вернулись в Прагу и возвращались в свой отель, то увидели на одной из площадей в центре города праздник – маленькая площадь была убрана вышитыми полотенцами, хлебными колосьями, постелены дорожки. Местные жители не торопясь пили пиво после рабочего дня, а рядом стоял грузовик, наполненный ящиками с яблоками. Оказалось, сегодня – Яблочный Спас. С этого дня у крестьян начиналась жатва яровых. А яблоки могли брать все желающие...

Наталья Николаевна ДАНИЛОВА

живет в г. Бийске Алтайского края.

Окончила Бийский государственный педагогический институт,

учитель русского языка и литературы.

Публиковалась в местной прессе,

в книге «Алтайская деревня в рассказах ее жителей».

В журнале «Север» публикуется впервые.

